

УДК 124.4:32

UDC 124.4:32

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ЕВРАЗИЙСТВА

THE PROBLEM OF POLITICAL IDEAL IN SOCIAL PHILOSOPHY OF EURASIANISM

С. Г. Павочка,
*кандидат философских наук,
доцент кафедры
общественных наук ГГАУ*

S. Pavochka,
*Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department
of Social Sciences, GSAU*

Поступила в редакцию 14.03.16.

Received on 14.03.16.

Рассматривается проблема политического идеала в социально-философском наследии русского евразийства 20–30-х гг. XX в. Выявлены предпосылки и факторы формирования, а также ключевые спецификации предложенной евразийцами «идеократической» модели государства. Определена взаимосвязь в евразийской философии принципа идеократизма с идеями гарантийного и правового государства.

Ключевые слова: русская эмиграция, евразийство, идеократия, социальная философия, политика, государство, идеология.

Considers the problem of political ideal in the socio-philosophical heritage of the Russian Eurasianism of the 20–30s of XXth century. Identified the background and factors of formation, as well as key specifications proposed by the Eurasians «ideocratic» state model. The correlation in Eurasian philosophy of ideocratic principle with the ideas of guarantee and legal state is defined.

Keywords: Russian emigration, Eurasianism, ideocracy, social philosophy, politics, state, ideology.

Введение. Евразийство как идейное движение оформилось в 1921 г. в исторических условиях русской эмиграции «первой волны». К числу отцов-основателей евразийства относят представителей младшего поколения русской эмиграции – языковеда и культуролога Н. С. Трубецкого, экономиста и географа П. Н. Савицкого, богослова Г. В. Флоровского, искусствоведа П. П. Сувчинского. В разные периоды своего существования евразийство привлекало к себе внимание различных по сфере профессиональных интересов представителей русской интеллигенции, среди которых наиболее значимыми являются фигуры историка Г. В. Вернадского и философа Л. П. Карсавина. Евразийство существенно выделялось в общем интеллектуальном ландшафте русской эмиграции предельной радикальностью постановки «русской проблемы», вытекавшей прежде всего из постигшей Отечество революционной катастрофы. Предложенные евразийством теоретические конструкции, связанные с критическим осмыслением исторического опыта России, русской культуры и духовности, в которых евразийцами особо выделялись и акцентировались восточные (туранские) компоненты, вызвали незамедлительную реакцию со стороны старшего поколения русской эмиграции – Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, А. А. Кизеветтера, П. Б. Струве и др., усмотревших в евразийстве один из крайних (максималистиче-

(ских) вариантов интерпретации ключевых спецификаций русской истории и культуры и перспектив их дальнейшего развития. Евразийство предложило достаточно целостную концепцию «русского пути», внося, таким образом, значимый вклад в понимание существа «русской идеи». Оставаясь во многом противоречивой и дискуссионно воспринимаемой, указанная концепция обнаружила устойчивые точки роста в последней четверти XX – начале XXI в., что отчетливо просматривается в историко-этнологических изысканиях «последнего евразийца» Л. Н. Гумилева и в широком спектре современных рационализаций научного и философского наследия классического евразийства. Вне поля зрения исследователей при этом часто остается проблема политического идеала в социально-философском наследии евразийцев. В то же время для евразийцев начала XX в. отмеченная проблематика имела принципиальное значение в силу необходимости проектирования и реализации в России, по их мнению, во многом альтернативной как западному, так и советскому опыту политической модели. Целью статьи является анализ политической составляющей социальной философии евразийства, логически завершившейся обоснованием мыслителями политического идеала «идеократического» государства.

Основная часть. Ни культура, ни государство, согласно евразийцам, не находятся вне

Церкви, но и не являются чем-то нецерковным. Культура и государство рассматривались как «организационный материал», фундамент возводимого над ними здания церковного бытия. Оцерковление культуры и оправославление бытия через его христианизацию предполагало сохранение организующего жизнестроение статуса не за культурой, а за религией, всецело определяющей и создающей культуру. По мнению Н. С. Трубецкого, христианство – не элемент определенной культуры, а фермент, привносимый в самые разнообразные культуры и стимулирующий их развитие в определенном направлении, но не устраняющий их самобытности и своеобразия: «Вынуть из русского национального самосознания христианство или заменить в нем подлинное Христианство (Православие) упадочной рационалистической подделкой – значит обесплодить русскую культуру и направить ее по пути разложения» [1, с. 108]. При этом христианизация бытия не тождественна культуртрегерству романо-германского мира. Сама же культура вне религиозной духовности становится безбожной, богоборческой и столпотворенческой. Русскому православию евразийцы отводили ведущую роль в будущем обустройстве России. Через него соотносились личность, культура, государство, включенные в общий процесс «оцерковления» жизни: «Православная русская Церковь эмпирически и есть культура, становящаяся Церковью» [2, с. 35]. Поскольку она является центром «собираания» евразийского мира, то очерченный географическими границами русского государства субъект культуры определялся мыслителями как Россия-Евразия.

Русская революция в социологическом аспекте означала для евразийцев прежде всего ротацию элит, смену ведущего «правлящего слоя» как основы государства. В силу этого прогнозируемые очертания обновленного политического устройства связывались с принадлежностью властвующих элит к «ведущему отбору» с его критериями исповедания, служения идее. Данная форма правления была обозначена как «идеократическая». На первый план в ней выдвигается приобретающая основополагающее значение общность мировоззрения «правлящего слоя». Революция с этих позиций ознаменовала крах старого «ведущего отбора», вынесла на поверхность жизни новый, внося также существенные изменения в сами принципы отбора. Если в европейских революциях эти корректировки имели в основном негативные последствия, выраженные в замене аристократического принципа отбора плутократическим, то коммунистическое обустройство социальной жизни, при котором от-

рицается самостоятельное существование идей, реализовало искаженную версию идеократии, подменив «идею-правительницу» предопределившей крайний радикализм действий утопической идеей. Постепенное изживание первоначальной революционной стихии, по мысли евразийцев, возможно на путях нового идейного обоснования деятельности, призванной объединить людей, согласовать их интересы и обеспечить устойчивость общества. Коммунизм – это первая, обнажившая утопическую стихию фаза революции. Следующий за ней этап должен опираться на выработку стабилизирующей общественную жизнь идеи с ее последующим воплощением в жизнь. Именно с ней евразийцы связывали собственные перспективы, поскольку смена данных этапов в их сознании означала замену коммунизма евразийской идеей.

Стоит отметить, что утопизм большевизма не оценивался в восприятии евразийцев как бесплодный, однозначно тупиковый путь развития. Напротив, они указывали на его закономерность, конструктивный момент содействия выходу на поверхность сознания явлений и фактов действительности, ранее не осознававшихся во всей их полноте и значимости. Евразийцы дали в контексте решения возникших задач их интерпретацию, определив в ее горизонте поле приложения собственных интеллектуальных усилий и ориентации действия. Смысл революционной бури наиболее зримо раскрывается на ее последней, завершающей стадии, когда за временным интервалом симбиоза революционной утопии и традиции под воздействием последней исчезает утопическое содержание вызвавших к жизни революцию идей, отбрасываются по причине изжитости абстрактные лозунги интернационализма и утверждается подлинное бытие особого географического и культурно-исторического мира России-Евразии. К нему неприменимы также европейские демократические формы правления. Выработанные в Европе и адекватные ей, они неприложимы к России, поскольку не согласуются с развитой системой этатизма и «планового хозяйства» как жизненной реальностью евразийского материка, единство и стабильность которого весьма проблематичны вне определенных «констант», прочных несущих оснований. Такие «константы» для евразийцев заключены в организации образуемого на идеократических началах правящего слоя – «государственного актива», располагающего известной суммой конституционных прав и осуществляющего сотрудничество с системой представительных учреждений. Результатом их совместных усилий является «демотический» строй, основанный на учитывающей

и претворяющей в жизнь настроения и интересы народных масс властной организации «государственного актива».

России необходима и новая идеология и новая партия как носительница этой идеологии, сменяющей идеологию коммунизма. Государственная стихия России заставляет, утверждали евразийцы, действовать большевиков вопреки собственной идеологии и разочаровывает их там, где они поступают в согласии с ней. Мысля новую партию как преемницу большевиков, евразийцы придавали понятию партии смысл, резко отличный от понятия политической партии в Европе. Новая партия евразийцев монополистична, она не делится властью с другими партиями, изначально исключая их существование. Она становится государственно-идеологическим союзом, раскидывая сеть своей организации по всей стране, доходя до низов, но не совпадает с государственным аппаратом. Формально близкими к такой партийной организации евразийцы полагали итальянский фашизм и коммунизм. Такая партия сохраняет сложившиеся в России формы демократии (система Советов с многостепенностью выборов) как более приемлемые, нежели западный вариант демократии как господство профессионалов-политиков и многопартийность. Революция привела к возникновению федеративной формы государства, и она принимается евразийцами, поскольку наиболее полно выражает сущность их идеи, учитывая «многочленность» евразийско-русской культуры. Условие народности (демотичности) государственного строя опосредуется евразийцами органической связью между массой народа и вырастающим из него правящим слоем, пребывающем в ситуации перманентной взаимной коммуникации с ним. Правящий слой, создавая правительство и формулируя народное мирозерцание, выражает и осуществляет волю народа. В действительности он раскрывает свою идеологию, проводит свою волю, которые лишь при нормальных условиях в целом и общем являются индивидуализацией и конкретизацией народного сознания. Правящий слой в идеале призван сознательно осуществлять бессознательную волю целого, которая к тому же лишь частично может быть артикулирована в рациональных формулах и локализована в рационалистически сконструированных формах политического бытия. Последнее может определять и тот факт, что при определенных обстоятельствах ненародной может являться и совершенная теоретически республика, также как, с другой стороны, народной, или демотической, может являться и абсолютная монархия, к примеру, русское царство как наилучшая, согласно авторам

«Опыта», форма государственного единства Евразии.

Разрыв органической связи народа и правящего слоя всегда катастрофичен в своих последствиях, чреват революционными потрясениями. Принимая демократию по сути, евразийцы не смешивали принцип демократии с ее конкретными историческими формами, полагая их относительными. Любая же форма всегда условна. Таким формам они предпочитали органические способы политической организации, к примеру, парламентский строй в Англии, возникший на основе мирского местного самоуправления. Но и он не универсален, а конкретен. Продвижение парламентаризма в континентальную Европу привело к потрясениям, которые затормозили ее развитие: «Континентальные теоретики не присматривались к жизни, а выдумывали. Органическое единство народа они подменили отвлеченным понятием суммы индивидуумов – атомов. Факт симфонической воли претерпел крайнее искажение в отвлеченном понятии ее» [2, с. 61]. Всеобщее волеизъявление стало индивидуальным, симфоничность оказалась подмененной большинством голосов, а сфера народной воли была предельно сужена и фактически устранена. Демократия выродилась в противоположность, а государственность была истолкована индивидуалистически и механистически. Кризис европейского парламентаризма осмысливался и в самой Европе. Так, например, Э. Дюркгейм отстаивал идею первичной важности «солидарности» в общественной жизни, в чем евразийцы усматривали существенную параллель с собственными положениями об органичности личности и ее бытия.

В противовес различного рода европейским формам парламентаризма евразийцы выдвинули идею гарантийного государства, призванного осуществить некоторые постоянные цели и задачи, то есть идею государства с положительной миссией. Гарантийное государство противопоставляется в евразийской концепции «релятивистическому» государству, не ставящему перед собой положительных целей и не имеющему никакой постоянной программы и не руководствующемуся стабилизирующими принципами. Государственный релятивизм характеризует либеральные государства, в которых политический союз выступает в роли «ночного сторожа», ограничивая свою деятельность защитой интересов граждан. К релятивистическому государству евразийцы относят и формальную демократию, для которой принцип деятельности государства определяется более или менее случайным партийным большинством.

Служащее определенной идее гарантийное государство смыкается с государством идеократического типа. При этом гарантийное государство не обязательно становится доктринальным, реализующим стремление к совершенной цельности философского или религиозного мирозерцания и которое насильственно внушает последнее гражданам, принуждая их к исповеданию определенной системы идей. Основное отличие гарантийного государства от государства доктринального типа обнаруживается в проведении гарантийным государством в жизнь некоторых социальных принципов, которые могли бы рассчитывать на всеобщее признание со стороны людей с самыми различными философскими, научными и религиозными убеждениями. Гарантийное государство строится на «внешней правде» – на «общественном признании», а не на «исповедании». В этом плане оно является также и «правовым» государством, но не в либеральном значении слова.

С точки зрения Н. С. Трубецкого, ни благо определенного класса, ни благо определенного народа не могут служить содержанием идеиправительницы идеократического государства. Выбор современными идеократиями в качестве искомой идеиправительницы классовой диктатуры или идеологии национализма определяется не внутренним подлинным содержанием идеократии как типа государственного устройства, а лишь внешними формальными аспектами идеократии: «...при демократическом строе с его установкой на индивидуализм, на борьбу эгоизмов во внутренней и внешней политике лозунги “все для моего класса” и “все для моего народа” вполне уместны. При идеократическом же строе такие лозунги становятся анахронизмами» [3, с. 441]. Целое, отвечающее моральным принципам идеократического государства, – это совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства: «Забота о благе этого целого не есть расширенное своекорыстие, ибо, поскольку данное месторазвитие автаркично, благо всех населяющих его народов не наносит ущерба никаким другим человеческим коллективам. А в то же время такое целое не есть расплывчатая, безличная масса, подобная “человечеству”. Оно наделено признаком индивидуального бытия, будучи субъектом истории» [3, с. 442]. Служение благу «конкретного человечества», согласно Н. С. Трубецкому, возможно лишь при условии радикального подавления не только личных эгоизмов, но и эгоизмов классово

вого и национального порядка, элиминацию любых «эгоцентрических самопревозношений».

В пространстве евразийского мира существуют также центры притяжения, отличные от принуждающей власти государства. Сферы национальных и конфессиональных отношений определяются в нем в большей степени совокупностью добровольных, непринудительных практик. Здесь трудно отыскать факты вынужденной смены национальной или религиозной принадлежности. Более того, евразийское государство на протяжении всей своей истории реализовывало модель «собора национальностей», «собора вер». Черты этой модели были присущи на ранних исторических этапах сформировавшимся на территории Евразии государственным образованиям скифов и гуннов. Принципы национально-культурной терпимости составили отличительную черту Евразии в ее сравнении с Западной Европой в период Монгольской империи. Свобода вероисповеданий присутствовала и в Московском государстве.

Разительный контраст, возникающий между мощью государственного центра и сохраняющейся на уровне национальных и религиозных вопросов свободой, интерпретировался через логику развития евразийской государственности, а исторический путь, пройденный ею, однозначно свидетельствовал о невозможности поддержания целостности образовавшихся в ее границах империй без опоры на последовательно проводимую политику национально-конфессиональной терпимости. Отказ от нее для евразийцев ассоциировался с симптомами разложения власти. Не случайно падение монгольских держав они объясняли омульманыванием их «правлящего отбора», а предысторию русской революционной катастрофы и ослабление центральной власти в поздний императорский период возводили к осуществляемой ею политике «русификации». Коммунистическая власть предоставила свободу для развития языков и национальностей Евразии. Действуя в этом направлении не всегда осознанно, она тем не менее оказалась более дальновидной именно в том, что опиралась в своих практических действиях на имеющийся потенциал традиции. Однако, притязая на монополию коммунистической веры и провозгласив атеизм, она парадоксальным образом явилась одновременно разрушающей сложившуюся традицию силой.

Заключение. Единство Евразии, основанное на государственной власти, принципах национальной и конфессиональной толерантности, не должно быть разорвано в чьих-либо корыстных, эгоистических интересах. Допуская возможность такового, евразийцы указывали

на его кратковременность и таящиеся в нем угрозы. Они отмечали также бесперспективность раздробленного существования в условиях масштабных исторических сдвигов, состоящих в усиливающихся интеграционных тенденциях, в образовании «больших пространств», самодостаточных в плане организации свободной и устойчивой в их границах циркуляции экономического оборота. Указанный вектор мирового движения полагался свойственным и России-Евразии, географические особенности, историческое наследие и актуальные потребности которой позволяли рассматривать ее в качестве идеального образца «государства-материка». Перспективы его устойчивости детерминированы адекватными природе евразийских пространств формами

совместного существования наций. Исторический опыт подсказывал, что политическое объединение огромных территорий стало возможным благодаря совокупным усилиям народов Евразии. Последнее требовало закрепления их участия в культурно-государственных способах устройства, обеспечения дальнейшего развития присущих каждому из проживающих в евразийском «месторазвитии» народов специфических качеств, их гармонизации в русле «общеевразийского национализма»: «...национальным субстратом... государства ...может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом» [4, с. 415].

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкой, Н. С. Мы и другие / Н. С. Трубецкой // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М. : Беловодье, 1997. – С. 98–114.
2. Савицкий, П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.
3. Трубецкой, Н. С. Об идее-правительнице евразийского государства / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. – М. : Прогресс, 1995. – С. 438–443.
4. Трубецкой, Н. С. Общевразийский национализм / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. – М. : Прогресс, 1995. – С. 409–420.

REFERENCES

1. Trubetskoy, N. S. My i drugiye / N. S. Trubetskoy // Russkiy uzel yevraziystva. Vostok v russkoy mysli. – M. : Belovodye, 1997. – S. 98–114.
2. Savitskiy, P. N. Kontinent Yevraziya / P. N. Savitskiy. – M. : Agraf, 1997. – 464 s.
3. Trubetskoy, N. S. Ob idee-pravitelnitse yevraziyskogo gosudarstva / N. S. Trubetskoy // Istoriya. Kultura. Yazyk / N. S. Trubetskoy. – M. : Progress, 1995. – S. 438–443.
4. Trubetskoy, N. S. Obshcheyevraziyskiy natsionalizm / N. S. Trubetskoy // Istoriya. Kultura. Yazyk / N. S. Trubetskoy. – M. : Progress, 1995. – S. 409–420.